

*Из воспоминаний купца III гильдии,
Алексея Игнатьевича Н.*

Рассказчика, равного мяснику Прохору из сибирского городка Тары, я не встречал за всю свою жизнь. А жизнь моя долгая и ухабистая. Господь сподобил повидать Россию. Но Прохор не выходит у меня из мыслей и по сей день.

Низенький, неказистый мужичок с бородкой-веником, он производил впечатление обыкновенного недотёпы. Но стоило мяснику заговорить, как он приковывал к своей персоне внимание всех окружающих. Прохор рассказывал страшные истории, коими с ним делились люди, проезжавшие через Тару на восток, в Китай, или с востока следовавшие за Камень.

Каждый раз, бывая проездом в Таре, я непременно заходил на Базарную площадь, отыскивал среди бесчисленных торговых рядов Прохора и подолгу беседовал с ним. Вот и теперь, оказавшись в городе по торговым делам, спешил я на площадь, дабы услышать от Прохора занятные небылицы.

Со мною по грязной, изъезженной повозками улице шёл Александр Николаевич. Его с супругой я повстречал у деревни Избушки пятью днями ранее. Оказалось, ехал мой нечаянный спутник в Илимскую ссылку.

– Позвольте, не тот ли вы Радищев? – поинтересовался я.

Видя моё смущение, Александр Николаевич открыто рассмеялся:

– Тот самый, Алексей Игнатьевич, тот самый.

В дороге я много рассказывал Радищеву о Таре, городе, который полюбил благодаря словесному дару Прохора.

– Удивительно! – восхищался Александр Николаевич. – Сколько в русской земле талантов! А покажите мне вашего рассказчика, Алексей Игнатьевич.

И вот теперь шли мы через площадь, огибая толпящихся меж торговых рядов купцов и покупателей: китайцев, монголов, но большей частью русских торговцев и охочих до новостей тарян.

Наконец среди мужиков в кожаных фартуках я углядел Прохора.

Тот признал меня, приветливо замахал, а вскоре подошёл к нам, при виде строго одетого Александра Николаевича поклонившись в пояс.

– Здравствуй, Прохор, – поприветствовал я мясника. – Изголодался по твоим историям. Есть ли что-нибудь новенькое?

– Помясистой? – с прищуром глянул на нас рассказчик. – Есть такое. Идёмте, расскажу.

И зашагал по грязи к своему лотку.

Я уже привычно извлёк из кармана маленькую монетку – плату рассказчику за его талант. Александр Николаевич без слов понял меня.

– Намедни у моего посыльного, – заговорил он вдруг хрипловато и словно бы извиняясь, – украли деньги.

– Тарские ухаи! – гоготнул Прохор. – Коловичи. Ухо надобно держать остро, иначе мигом портки сымут.

Словно позабыв о случившемся, сменив тон, начал рассказ:

– Многое сказывают о нашем почтовом тракте. В былые времена, в пору царствования государыни Анны Иоанновны, был тракт важен для страны, по нему денно и ночью шли повозки с товарами. Чай везли, шёлк. И вдоль тракта – что ни десятая верста – деревенька какая или село. Даже волок Аёвский, болото из болот, и тот держали в надлежащем виде. Мой пра-пра... – Прохор замолчал, что-то прикидывая в уме, – один из дедов моих на том волоке в деревне Избушки жил. Слышали о такой деревне?

Мы с Радищевым закивали, выпятив грудь, будто знание о деревеньке причисляло нас к числу людей, в высшей степени образованных и понимающих суть разговора.

– Тара в ту пору росла и крепла. И лишь чёрной тучей висла над нашим городом горькая память о кровавом бунте. Дело было в царствование государя Петра Алексеевича, когда таряне отказались неназванному наследнику присягать. И это те самые таряне, что за Ермака отомстили кучумским злодеям, Сибирь в покорность русскому государству привели...

Прохор говорил, и с каждой его репликой на лице Александра Николаевича всё явственней проступало изумление. Немудрено, ведь встретить в далёком Тарском уезде крестьянина, способного столь умело плести словесные кружева, – дело редкое.

– ...После того бунта многих тарян казнили, – продолжал тем временем Прохор, –

иных в колодках услали дальше в урманы и степи. А останки тех, что казнены были, и по сей день по-христиански не погребены. Батюшка наш, настоятель Спасского храма, молится об убиенных... Но по тракту, говорят, поздним вечером и ночью бродят люди в лохмотьях и у путников просят всякого: то копейку, то краюху хлеба. Говорят, надобно таким оборванцам подавать всё, что только попросят, иначе – беда, ведь эти поздние путники – неуспокоенные души казнённых тарян. Бродят они по тракту и не находят себе приюта. Идут прочь из Тары, но проклятьё сих мест тянет обратно.

И случилось так минувшим летом, что один путник оказался ночью где-то между селом Бутаково и Тарой. Кто знает, какие лихие люди бродят вокруг? Он решил с тракта сойти и скоротать ночь. Телегу с тощей своей лошадейкой глубоко в чашу завёл. Деревья стояли редко, луна освещала прогалины с вывороченными пнями. Филин ухал.

Мужик нашёл поляну, лошадь распряг и к дереву привязал, а сам взял топор и пошёл хворост для костра рубить. Дело было в августе, ночи зябкие. В лесу тихо, птицы замолчали. Не шелохнётся ничего. Ударит топором по сухой ветке – далеко слышать. Возвращается он, значит, к телеге, а возле лошади стоит человек, в тряпье замотанный. Лица не видать, лишь руки, бледные и худые, будто кости чуть кожей обтянуло, глядят лошадиную морду. А та и не встрепенётся. Мужик свою лошадь знает – обычно, чуть чужой подойдёт, фыркать начинала, ушами прядать, а тут – стоит молча, как своего признала. Ему до того не по себе стало, что аж душа в пятки прыгнула. Зажмурился, чтобы отогнать видение, коль это морок лесной, открыл глаза – нет никого. Сердце колотится, пот катится со лба. Он тут же к лошади, смотрит – ни единого следа вокруг. Не могло тут быть человека! Но он-то видел. Тогда мужик принялся костёр складывать. Глядь – а на земле у самых лошадиных копыт, меж еловых корней лежит клок чёрной тряпицы с медной пуговицей. А на пуговице – орёл. Мужик, не мешкая, кинул тряпицу в костёр, поджёт.

Когда пламя занялось, костёр вдруг начал шевелиться, будто там, под горящими ветками, оказалось живое существо. Охал костёр, шипел, свистел, выл по-звериному и даже по-человечески голосил.

– Порублю! – кричит мужик в темноту. – Не подходи, нечисть, порублю!

А эхо ему: «По-ру-блю, по-ру-блю».

Лошадь и ухом не ведёт. А путник со страху забыл, как топор держать, забрался под телегу и просидел там безвылазно до рассвета. Лишь заря зарумянилась, запряг лошадь – и в Тару.

Я на рассвете выхожу к торговым рядам, а этот уже здесь. Лошадь взмыленная, сам растрёпа-растрёпой. «Ты, – говорю, – за мясцом так спешил?». Ну, мужичок и рассказал всё по порядку: про человека в чёрном, про костёр.

«Дурак! – говорю ему. – Ты зачем ночью на тракте остановился? Кругом ведь души неуспокоенные шастают. Говори, что от тебя этот в чёрном просил? Может, копейку? Или покушать?» Мужик башкой мотает, мол, ничего он не просил.

А я настырничая: «Вспоминай, дурень, а то на обратном пути мертвец тебя сцапает и в чашу уволочёт. Может, тебе эхо отвечало что-то? Мертвецы, случается, эхом прикидываются и голосят в ночи». «Да я, – говорю, – эту нечисть порубить обещал топором, а эхо в ответ: порублю, порублю, вот и всё». Выходит, мертвец рубль просил. Положим, не рубль, но копейку нужно было дать. А мужичок не дал. «Иди, – говорю, – в храм, молись за себя и за убиенных в пору бунта».

– Так что с тем мужиком случилось? – не выдержал я.

Прохор пожал плечами, прокашлялся и только после этого сообщил:

– А кто ж его знает? Уехал. Может, сгинул где, а может, живым добрался.

Рассказанная мясником история нас с Александром Николаевичем ничуть не напугала. Напротив, позабавила. Весёлые и смешливые, шли мы по торговым рядам.

– Хорош рассказчик! – то и дело повторял Радищев.

На следующее утро развела нас дорога. Мне надлежало вернуться в Тобольск, а Александру Николаевичу предписывалось продолжить горестное странствование. Мы крепко обнялись на прощанье и разъехались каждый в свою сторону.

Некоторое время спустя довелось мне вновь проезжать через Тару. Зашёл по старой памяти на Базарную площадь, вот только не нашёл Прохора.

– Пропал Прошка-то, – проскрипела всезнающая старушка, – на Тихвинском кладбище, небось, покой нашёл.

В задумчивости брёл я мимо торговых рядов, отмахивался от купцов, протягивающих ткани и чай. На душе будто осень наступила. У пожарной каланчи меня окликнул знакомый голос. Обернулся – и вправду он. Радищев, бледный, с запавшими глазами, стоял передо мной и тщетно силился улыбнуться.

– Александр Николаевич! – бросился я к старому знакомому. – Что с вами стряслось?

– Алексей Игнатьич, дорогой, прав оказался ваш Прохор. Простившись с вами на этой площади, направился я в Илимск, и в трёх верстах от Тары той же ночью на тракт вышел оборванец. Копеечку попросил. Я, дурень, расхохотался ему в лицо, принялся рассказывать спутникам байку Прохора. Но недолгим было веселье... Мертвец неотступно следует за мной, клонит в могилу. Вот и теперь захворала супруга. Простудилась в дороге. Вторые сутки ищу в Таре врача, который мог бы облегчить её болезнь, да всё никак не найду. Будто сам бес кругами водит меня по городу.

Я вызвался помочь, и вместе мы двинулись на поиски лекаря по апрельской грязи. В просветлённом воздухе уже чувствовалось приближение весны, но во дворах тарян, если верить рассказам Прохора, до середины апреля лежит чёрный, ноздреватый снег.

– С чего вы взяли, будто это проделки мертвеца? – поинтересовался я, когда в очередном доме развели руками: «Уехал доктор в Тобольск. И вернётся не скоро».

– Он является мне всюду, – с жаром зашептал Радищев. – В Илимске встретился

он на улице. Я побежал за ним, но потерял из виду. Я кричал ему: «Что тебе нужно от меня?!» Елизавета Васильевна твердила, что у меня помутнение. Но я убеждён, что мертвец следует за мной и чинит мне боль.

Он вдруг посмотрел на меня глазами, полными слёз, такими же светлыми и ясными, как апрельское небо над Тарой: «Скажите, любезный Алексей Игнатьевич, неужто я не достоин счастья? Будто проклятье чёрным коршуном нависло надо мной и выклёвывает всё светлое, что есть в моей жизни».

Врача мы в тот день отыскать не сумели. Один уехал в Тобольск, другого никак не могли сыскать домашние, третьего и вовсе схоронили по зиме. И вправду проклятье...

– Где вы заночевали? – спросил я Радищева напоследок.

Александр Николаевич неловкими жестами показал, где находится его временный приют. Говорить он к этому времени не мог совершенно, столь сильным оказалось истощение чувств и воли.

Наутро, когда я пришел к Радищеву, уже не застал того.

– Так он, это самое, – потирая бороду, сообщил хозяин, – среди ночи сорвался, велел лошадей запрягать. Всё твердил: «В Тобольск, надобно в Тобольск...».

Месяцем позже узнал я о смерти супруги Александра Николаевича, добродетельной Елизаветы Васильевны. По возвращении в Тобольск на почтовой станции мне вручили опечатанное сургучом письмо.

«Милостивый государь, Алексей Игнатьевич, – обращался ко мне автор письма. – Должно быть, вам известно об утрате, постигшей меня. Видит бог, от сей скорби не оправиться и за тысячу лет. Но речь о другом... В Тобольске на следующую ночь после страшного события во сне мне явился Прохор. "Знаете, что случилось с мужиком, о котором я рассказывал вам? – спросил меня старик. – Мертвецы настигли его в трёх верстах за Тарой, и отныне он сам скитается вместе с ними. Ему вы не подали монетку, Александр Николаевич, а значит, и вам уготована судьба бедняги". С той поры я потерял сон. Друг

мой, быть может, я схожу с ума? Дайте совет, как мне поступить! Ваш А. Радищев».

* * *

Дочитав письмо друга, сложил его вчетверо и через плечо взглянул на человека, сидящего в глубоком кресле в дальнем углу кабинета.

– Я всё сделал, отпусти меня.

Человек в зелёном камзоле с медными пуговицами качнулся вперёд. На бледном его лице, заросшем густой седой бородой, блуждала хищная улыбка.

– Прохор, отпусти!

– Не извольте волноваться, Алексей Игнатьевич, – скрипуче заговорил он, – Отпущу. Как только ваш друг напишет книгу о тарском бунте... Вот уже сотню лет я скитаюсь неприкаянным призраком, не находя себе покоя. Порой люди видели меня, принимая за живого человека, да, пожалуй, пыталась со мной заговорить старуха с Базарной площади. Но она и сама почти призрак, истлевает телесно и душевно. А потом появились вы, милостивый государь, и вместе с вами – Радищев. Берите перо, Алексей Игнатьевич, пишите ответ своему другу. Советуйте написать книгу, поведать России о забытом бунте. Пишите...